Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2015 Номер выпуска: 61

Заглавие: Раневская и Прозоровская: родственные души, друзья по переписке

Автор: В. Е. Прозоровский

Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музейзаповедник хранит в своих фондах переписку Фаины Георгиевны Раневской со своими земляками - таганрожцами. Интеллигентность и культура переписки Раневской просто восхищают: судя по всему, она отвечала на всякое к ней обращение. Отвечала лаконично открытками. Но нашелся в Таганроге человек, побудивший Фаину Георгиевну к написанию писем - неформальных, довольно обстоятельных и очень личных. Этот человек - Людмила Николаевна Прозоровская.

У Людмилы Николаевны - таганрогские корни, но сама она в Таганрог переехала уже будучи взрослой, в 1968 году, выйдя замуж за таганрожца и превратившись из Подобед в Прозоровскую. Причем профессию при этом она не поменяла: как работала в родном Донецке научным сотрудником советского отдела областного краеведческого музея, так и осталась научным сотрудником советского отдела, но теперь уже - Таганрогского краеведческого музея. В жизни всегда есть место для чуда. Одним из таких чудес в жизни Людмилы Прозоровской стала ее дружба по переписке с Фаиной Раневской.

До Прозоровской к Раневской посредством почты с различными вопросами и просьбами обращались и другие сотрудники Таганрогского краеведческого музея. Раневская их не игнорировала. Но каковы были ее ответы... «Простите - долго не отвечала...», «Я не очень здорова и очень занята.», «Примите мои добрые пожелания.», «Примите мой сердечный привет.», «С уважением, Ваша Раневская». Конечно, каждая из этих открыток теперь представляет огромную ценность - уже хотя бы как автограф Раневской. Отдельного упоминания заслуживает ответ Фаины Георгиевны Раневской Валентине Андреевне Белой (январь 1968 года): «...При мне домик Чехова был развалюхой, а сейчас он похорошел чрезвычайно. Я любила сидеть на скамейке около его домика. Валентина Андреевна, зачем Вам мой дом? Извольте: я жила на Николаевской улице. № не помню, дом был двухэтажный с балконом, кажется, серого цвета, улица была вся в тополях, очень ровная, в нескольких от нее кварталах была базарная площадь. На площади собор».

Позднее, когда завязалась ее переписка с Людмилой Николаевной Прозоровской, Раневская писала и другому адресату из Таганрога - своему ровеснику Ахиллесу Николаевичу Декаристо. В архиве таганрогского музея-заповедника сохранилось две таких открытки.

«Глубокоуважаемый Ахиллес Николаевич, книгу о себе я не пишу (подчеркнуто Ф. Раневской - ред.). Собиралась и не стала писать. Фамилия Ваша мне знакома. Из Таганрога я уехала в 15-м году. Я уже в те годы была актрисой. Помню только детство, помню город мой того времени - город чистый, поэтичный, помню моих подруг детства и молодости. Помню чудесный городской сад. Все это очень личное и интереса для Вас не представляет.» (13 ноября 1976).

Вторая открытка Раневской к Декаристо, от 26 декабря 1976 года, - чрезвычайно краткая: кроме приветствий, в ней лишь такие слова: «В Москве скоро будет установлен памятник Чехову. Давно пора!».

Переписка Раневской и Прозоровской завязалась в 1968-м и продолжалась полтора десятка лет. Людмила, еще будучи ребенком, любила киноактрису Фаину Раневскую. Но Раневская и как человек вызывала у нее самые теплые, искренние чувства. Фаина Георгиевна годилась Людмиле в мамы, если не в бабушки, не только по возрасту (возраст-

ная разница у них - 43 года). У Раневской и родной мамы Людмилы, Зои Федоровны Подобед, было очень много общего. Обе - и Фаина Георгиевна, и Зоя Федоровна - были великими труженицами, творческими натурами. Они были похожи даже чисто внешне: обе - крупные, полные. И характер у обеих тоже был тяжеловатый; но за внешней грубостью скрывалась нежность и ранимость.

Раневская, благодаря ее интуиции, наверняка почувствовала искренний интерес к себе Прозоровской, ее по-настоящему добрые чувства. И ответила взаимностью. Она стала для Людмилы едва ли не второй мамой: когда у той в 1969-м родился первенец, Владимир, Фаина Георгиевна, будучи бездетной, очень трогательно наставляла молодую маму. Раневская давала ей разные «материнские» советы - как правильно воспитывать детей, как беречь женскую красоту.

Прозоровская отправляла Раневской фотографии современного Таганрога, рассказывала, чем город живет и дышит. Старалась при этом не травмировать ранимую Раневскую, а только радовать. Ну, к примеру, зачем той знать, что в дом, где росла удивительная девочка Фаня Фельдман, возят иностранных туристов, чтобы показать им там красивый, хорошо сохранившийся камин?.. Или если Фаина Георгиевна вспоминала, с каким она упоением вдыхала теплыми таганрогскими вечерами неповторимые благоухания цветущей акации, ночной фиалки, стоило ли ее посвящать в то, что ночной фиалки в Таганроге почти не осталось?..

Раневская в ответ высылала свои фотографии - в различных ролях в театре и кино. Делилась воспоминаниями о Таганроге ее детства и о самом своем детстве, делилась чувствами и мыслями о прожитом и о современности.

Однажды, еще в середине 1970-х, Людмила пригласила Фаину Георгиевну приехать в Таганрог. Инкогнито. В гости к ней домой. Домашний адрес Прозоровской Раневская прекрасно знала: она давно уже писала в переулок Тургеневский, 101. Людмила Николаевна, зная, как утомляет Раневскую ее популярность, обещала, что если актриса оденется попроще, ее в родном городе никто не узнает. Но Раневская на малую родину не приехала, лаконично объяснив, что это невозможно.

Хотя корреспонденция и шла между двумя переулками (московским Южинским и таганрогским Тургеневским), хотя Раневская и писала Прозоровской не как сотруднику музея, а как человеку, как другу по переписке, однако практически все, что присылала в Таганрог его гениальная дочь(письма, открытки, фотографии), Людмила Николаевна передавала в музейный архив. Да и как иначе? Все, что касается Раневской, - бесценно и должно быть сохранено для нынешнего и будущих поколений! В своем личном архиве Людмила Прозоровская сохранила лишь три открытки совершенно личного характера. (В том числе ту, в которой Фаина Георгиевна отвечала отказом на приглашение приехать в Таганрог. А приглашала ее Людмила не просто по собственной инициативе, но и втайне от коллег.) А кроме трех открыток - большое фото с трогательной дарственной надписью. Сама Раневская письменно признавалась, что такие личные фото дарит нечасто и очень редким людям...

Но у одного из писем Раневской к Прозоровской оказалась особая судьба. В нем Фаина Георгиевна вспоминала собственное детство. То, как, имея родных брата и сестру, всегда чувствовала себя одинокой. То, как ее единственными подругами были куклы, с которыми она играла на балконе, знакомя их с литературой, разыгрывая с ними театральные сцены. Разоткровенничавшись, она призналась «милой Людмиле Николаевне», что училась очень плохо: из таганрогской Мариинской гимназии ее исключили за неуспеваемость. Потом она стала просить вернуть ей это «дурацкое письмо». Она писала, что поздно спохватилась, а теперь переживает, что ее запомнят как заурядную двоечницу.

Но попадая в музейные фонды, письмо превращается в музейный предмет. И он уже не подлежит изъятию. То, что Прозоровская смогла вернуть Раневской то письмо, является маленьким чудом.

Хотя, очевидно, сама Раневская в этой истории была не совсем откровенна. Но всякая женщина вправе на кокетство, а великая актриса тем более.

Любимый Раневской Чехов в своей гимназии дважды оставался на второй год; и Раневская это, наверное, прекрасно знала. У него для этого, конечно, была уважительная причина: Антоша, вместо того чтобы учиться, торговал в бакалейной лавке своего отца, купца второй гильдии Павла Егоровича Чехова, что, впрочем, не спасло последнего от разорения. Фаина, в отличие от Антона, своему отцу в его коммерции не помогала. Он, миллионер, один из богатейших людей всего юга России, в этом не нуждался. Но ее, купеческую дочь, просто воротило от арифметических задачек, связанных с торговлей. Ее поэтическая душа рвалась ввысь, и разум отказывался заниматься тем, что ей было чуждо; причина для отказа от арифметики - более чем уважительная. К слову, исключение из гимназии Фаине во всех отношениях пошло во благо: получая домашнее образование, она смогла заниматься любимыми и нужными ей искусствами и гуманитарными науками. К счастью, это замечательное письмо сохранилось для потомков. Раневская, получив его обратно, свое откровение не уничтожила. И оно попало в руки московских тележурналистов, снимавших фильм об актрисе, а они его потом передали в РГАЛИ - Российский (ранее -Центральный) государственный архив литературы и искусства. «Опозорили меня навеки!» сетовала позднее Раневская, когда делилась всем этим с Людмилой Николаевной.

Но вся эта история подтвердила, что переписка Раневской и Прозоровской вовсе не была перепиской актрисы, выросшей в Таганроге, и сотрудника Таганрогского краеведческого музея. Это было общение человека с человеком. И Прозоровская показала себя сверхпорядочным человеком, каковым была и Раневская. Людмила Николаевна выполнила необычную просьбу своего неординарного друга по переписке, при этом не сохранила даже копию того письма. Конечно, ксероксов и сканеров тогда еще не изобрели; но фотоаппарат был в ее распоряжении.

Возвращая Фаине Георгиевне то ее «дурацкое письмо», Людмила Прозоровская нарушала всяческие функциональные обязанности и должностные инструкции, но какое они имели значение в сравнении с огорчением человека, из-под пера которого это письмо и появилось на свет?...

Когда-то, еще в детстве, Людмила любила актрису Фаину Раневскую. Поклонниками Раневской наряду с Людочкой Подобед были многие миллионы как ее сограждан, так и представителей зарубежных стран.

Людмила Прозоровская полюбила Раневскую как человека - очень светлого, доброго, плохо приспособленного к этой земной жизни, во многом неприкаянного и очень одинокого, самым близким существом для которого была собака. И Людмила Николаевна сотворила чудо. Она смогла сделать интереснее и радостнее жизнь другого человека, с которым лично ни разу так и не встретилась.

Фаина Георгиевна была тронута приглашением Людмилы приехать к ней в гости в Таганрог, но отклонила его. Сама же Людмила Николаевна, когда была в Москве, даже и не думала напрашиваться к Фаине Георгиевне в гости. И не столько в силу своей стеснительности, сколько ради того, чтобы не стеснить Раневскую: их роднила удивительная деликатность. Такова уж наша жизнь, таковы уж мы, грешные, что межличностные отношения между двумя людьми, даже самыми близкими, напоминают большую или малую тару, в которой - мед и деготь в различных пропорциях. 15-летняя дружба по переписке между Раневской и Прозоровской не имела в себе дегтя.

Дочь старосты таганрогской синагоги, Фаина часто ходила мимо Успенского собора, стоявшего на таганрогской базарной площади. Диаконом в соборе в те времена служил прадед Людмилы, Иван Антонович Сахновский...

Этот мир Фаина оставила в 1984-м. В 2004-м в мир иной ушла и Людмила. Лично я верю и надеюсь, что они теперь общаются без посредника - почты и друг с другом, и с Отцом Небесным.